

Екатерина Шубочкина
Мой прадед тоже воевал

Екатерина Шубочкина

Мой прадед тоже воевал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70547341

SelfPub; 2024

Аннотация

У времени есть своя память – история. Но история может погибнуть, если ее не передают из поколения в поколение. Поэтому и написан этот рассказ о живущем в прошлом веке человеке, моем прадеде, Константине Васильевиче Ляшкове, который, как и многие другие, воевал в годы Великой Отечественной войны. Память о нем сохранила в своих тетрадных записях моя бабушка, старшая дочь прадеда, Людмила Константиновна Лопаткина (Ляшкова). Они настолько показались мне интересными, что решила поделиться написанным и с Вами, дорогой читатель.

Содержание

Предисловие	4
Предвоенное время	7
Начало войны	9
Фронтовая память	11
Посткриптум	17

Екатерина Шубочкина

Мой прадед тоже воевал

Предисловие

Мой прадед по материнской линии, Ляшков Константин Васильевич, родился 16 мая (29) 1906 года в деревне Черемшанка близ села Больше-Улуйское Енисейской губернии, ныне Красноярского края, в семье крестьянина-переселенца из Черниговской волости. Жила семья небогато, трудно.

Прадед рано лишился материнской заботы: мать Луция замерзла в нескольких километрах от города Ачинска, где проживала семья, при неизвестных обстоятельствах. По житейскому совпадению Василий, прапрадед, тоже умер по причине обморожения: сторожил колхозный склад зимой в худой одежонке. Константина отправили в детский дом. Вырос как-то, занимался сельским хозяйством, женился, перешел на военную службу, стали рождаться дети, словом, простая, как у всех, жизнь.

Да, величием предков может похвастаться не каждый. Однако, я твердо убеждена, что великими не рождаются, великими – становятся. Конечно, есть разные в жизни линейки для измерения величины, да и меры все относительны. С

другой стороны, в этом ли смысл жизни? Но так уж мы, люди, устроены, что очень хочется не только знать, но и гордиться своими предками. Так вот, получив в наследство от моей любимой бабушки, Людмилы Константиновны, её рукописи-воспоминания о предках, в том числе и о её отце, прочитав их, я поняла, что имею полное право гордиться своим прадедом Константином Васильевичем.

Есть такие времена в жизни людей, стран, даже всего мира, когда простые незатейливые люди открывались с такой стороны, что по-другому и не скажешь, как: «Герой!» Таким временем была для России Великая Отечественная война. Нет, мой прадед не дошел до Берлина, даже до заграницы не дошел. После двух тяжелых ранений в голову и ногу его отправили в 1943 году на лечение, которое было длительным. Но это не умоляет его заслуг в деле защиты нашей родины от фашистов. Недаром он награжден орденом «Красного Знамени».

Именно об этом периоде жизни моего прадеда, о том, как он воевал, как сражался за Родину, как не щадил жизни своей во имя победы, но еще более о том, каким достойным и правильным человеком он себя проявил в тяжелые дни войны, как оставался при всех тяготах хорошим и любящим семьянином, другом, товарищем, мне хочется вам рассказать. Рассказать, чтобы поделиться с вами, дорогие читатели, и частичкой гордости, и светлой памятью, и искренним восхищением не только за моего прадеда, но и за всех, кто воевал

ВМЕСТЕ С НИМ.

Предвоенное время

Еще в 1930 году Константин Васильевич Ляшков был призван в Красную Армию Ачинским райвоенкоматом. Перед этим он окончил первую совпартшколу в Красноярске.

В Ачинске прадед оказался благодаря своей новоиспеченной супруге, с которой он познакомился, вернувшись в родную Черемшанку после срочной службы в армии. Клавдия, так звали мою прабабушку, приехала туда в командировку с агитбригадой на пару дней. Она была моложе прадеда на пять лет. Молодые люди быстро сговорились и на второй день знакомства пошли в ЗАГС. Каля, так ее звали в семье, недолго думая, увезла мужа с собой в Ачинск, небольшой город Красноярского края. Да, бывает же! Забегая вперед, скажу, что прожили они вместе всю свою жизнь, познакомившись и полюбившись друг другу вот так – за одни сутки.

Константин Васильевич, кстати, был невысокого роста – всего 164 сантиметра. Стройный, с синими глазами, черными с отливом волосами, смуглый. Музицировал на балалайке, пел прекрасным баритоном, умел рисовать, играл в шахматы. Бабушка Люся, его старшая дочь, вспоминала его как доброго по натуре человека, но вспыльчивого и отходчивого, храброго, умного, ответственного, а вот деловой жилки, со слов бабушки, у него не было.

В 1939 году прадед, уже кадровый командир РККА, вме-

сте с семьей переезжает в Новосибирск по направлению руководства. Он стал преподавать в пехотном военном училище. У Ляшковых в то время на руках было уже трое детей: две дочери и сын. К сожалению, младший Юрочка умер за год до начала войны.

В лето 1941 года прадеда отправили на военные сборы в Бердск Новосибирской области. За ним туда поехала и семья, хотя жить всем пришлось в землянке с печкой и врытыми в землю скамейками. Там-то и раздалось из радио – черной тарелки на столбе: «От советского информбюро...» – потрясение, изменившее жизнь всей страны и каждого человека в отдельности. Удивительно, но именно в этот день, в день объявления о войне, в семье Ляшковых родился второй Юрочка, сердечко которого, как выяснилось позже, оказалось больным.

Прадеда вместе с пехотным училищем сразу отправили куда-то для формирования частей на фронт, семья же вернулась с новорожденным в Новосибирск.

Начало войны

До осени 1941 года прадед еще находился в тылу, иногда появляясь внезапно на несколько часов дома и снова уходя на службу: он отправлял своих учеников из училища на фронт, пытаясь, конечно, и сам уехать с ними. Однако начальник училища пока не отпускал, сказав по этому поводу однажды: «У тебя, Ляшков, либо грудь будет в крестах, либо голова в кустах». Мучился прадед от того, что молодые уезжают, а он остается в тылу.

На фронте шли тяжелые бои, наши отступали. На зрелых мужчин, не ушедших еще на войну, осуждающе смотрели все женщины, уже отправившие своих мужей и сынов на фронт. Жена Каля поэтому стеснялась открыто ходить вместе с мужем по улицам.

Но вот настало время уезжать на фронт и Константину Васильевичу Ляшкову. Как вспоминает моя бабушка, перед отправкой он ходил по маленькой комнате, поскрипывая перепоясанными крест на крест ремнями, на боку висела кобура. Каждого ребенка подержал на руках, долго смотрел на маленького Юру, мечтая вырастить сына-товарища по охоте и рыбалке, потом все вместе Ляшковы отправились провожать главу семьи на вокзал.

На перроне было много военных возле длинного железнодорожного состава, много женщин и детей. Стоял плач, при-

читания неслись со всех сторон. Однако Клавдия Ляшкова, держа маленького на руках, улыбалась мужу и махала рукой, словно провожала в обычную командировку. Крикнули: «По вагонам!». Последние объятия супругов, и тут уж дети не выдержали и взвыли, цепляясь за отца. Но мать строго одернула: «Девочки, не плакать! Папе будет тяжело уезжать». Вернувшись домой, Каля, конечно, долго рыдала, лежа на диване, от страха за будущее, от боли за происходящее, но этого супруг уже видеть не мог.

Фронтальная память

В 1941 году наша страна была не готова к войне, мы отступали, было очень трудное и страшное время. Прадед был назначен на должность политкомиссара стрелкового батальона. Он не отсиживался в атаках, шел в бой вместе с простыми пехотинцами, спал вместе со всеми в землянках и под открытым небом, не гнушался рыть окопы и делать укрепления, поэтому быстро снискал уважение бойцов советской армии вверенного ему батальона.

Вскоре на фронт пришло письмо на имя командира части, в которой служил прадед, от Клавдии Яковлевны Ляшковой, где она просила аккуратно передать её мужу печальную новость – умер маленький сын с больным сердцем. Прадед вспоминал, что письмо это получил прямо перед атакой, в которую шел с полными слез глазами – чудом остался жив.

В самом начале 1942 года прадед участвовал в танковых рейдах по тылам противника. Их, пехотинцев, садили на броню танков, и так лесными дорогами они вместе с танкистами добивались до населённых пунктов, где засел противник. Внезапно появившись, завязывали бой, короткий и яростный, затем быстро исчезали, сея панику среди врага. В одном из таких рейдов батальон, неся большие потери, попал в окружение. Около двух месяцев сражались солдаты и командиры, пробираясь к нашим. А это была зима. Шли по

лесам.

В один из дней окружения мой отважный прадед убил медведя, мясо, конечно, съели, а шкуру прадед свернул рулоном и забрал с собой, вытопив к тому же медвежьего сала чекушку. Сунул её в полевую сумку. Как же всё это было промыслительно, видно только с высоты прожитых лет, а, может, и судеб.

Через несколько дней прадед обходил бойцов после боя и услышал стон: «Пить!» Под березой лежал тяжелораненый. Комиссар открутил фляжку, нагнулся, чтобы напоить бойца. И тут из засады ударил снайпер. Прямо в голову прадеда. Его спасла каска, отрикошетило в сторону, но удар был слишком сильный, прадед упал без сознания, лицо залило кровью. Это случилось седьмого марта 1942 года. «Комиссара убили!» – пронеслось по цепочке, но был еще жив. Бойцы перевязали его, сделали из той самой добытой прадедом медвежьей шкуры носилки, и так тащили его по снегу несколько дней, пробиваясь с боями к своим.

Очнулся прадед в госпитале, в комнате для смертников. Его ноги почернели, как чугун, и чернота уже поднималась выше. Константин Васильевич попросил принести его полевую сумку. Медвежье сало было на месте. А ведь бойцы могли сало и съесть, пробираясь голодными и холодными по лесам. Но они так уважали своего комиссара, что ничего не тронули из его вещей. Прадед, преодолевая боль, стал натирать салом ноги и живот. Через два дня чернота стала спа-

дать, а он продолжал натирать себя. Когда в палату через несколько дней заглянул врач-хирург, то был очень удивлен, что пациент вообще жив, а тут он еще и выздоравливает. Вот такая воля к жизни была у моего прадеда!

Немного оклемавшись, снова встав на ноги, прадед вернулся на фронт. Воевал на Северо-Западном фронте, командовал своим стрелковым батальоном 1234 стрелкового полка 370 стрелковой дивизии 11 армии. Повторно был ранен в бедро 20 февраля 1943 года. Тогда прадеда и комиссовали, потому что ходить мог только на костылях. Единственным трофеем, который он привез с собой домой, была медвежья шкура, по-прежнему мягкая и пушистая, прошедшая с хозяином весь его фронтовой путь. Дети в ней кувыркались, радуясь возвращению отца.

Конечно, за год от одного ранения до другого было у прадеда на фронте всякое. Всего мы знать не можем, но некоторые истории из его жизни на войне все-таки сохранились в воспоминаниях моей бабушки, его дочери Людмилы.

Одна из таких историй связана с появлением в доме Ляшковых неожиданного гостя – молодого офицера с орденами и медалями на груди. Это было уже спустя год после возвращения Константина Васильевича с фронта и выписки его из госпиталя.

«Николай!» – радостно воскликнул прадед, увидев офицера на пороге, и бросился к нему. Они крепко обнялись, не скрывая накативших на глаза слез. Тогда-то и узнала се-

мья прадеда историю знакомства и дальнейшей дружбы этих двух сослуживцев.

Прадед в чине капитана шел из штаба в батальон с группой бойцов через лес. Вышел на полянку, где увидел выстроенных солдат с винтовками на изготовку. Впереди стоял офицер с пистолетом в руках, он что-то вслух читал по бумажке. А напротив них в нескольких шагах возле дерева стоял тоненький перепуганный солдатик лет семнадцати. Слезы текли по бледному лицу молодого бойца, он весь трясся как в лихорадке. Прадед остановился и спросил: «В чем дело?»

– Да вот, расстреливаем, – ответил офицер. – Бросил оружие во время боя.

– Какой бой по счету? – уточнил прадед.

– Первый, – ответили без эмоций.

– Отставить! – заорал тут капитан Ляшков, видя, как хладнокровно наводит на парня пистолет сам офицер.

– Что?! – возмутился и рассвирепел офицер. – Не мешайте исполнять приговор!

– Отставить! – еще раз крикнул прадед и встал перед пистолетом.

Офицер навел пистолет на прадеда. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы солдаты прадедовского батальона не скрутили руки офицера и не вырвали пистолет. Тому, бледному от ярости, пришлось подчиниться, тем более, что и его солдаты поглядывали на него не очень дружелюбно, поддерживая действия бойцов капитана Ляшкова.

Капитан же подошел к солдатику и спросил: «Страшно было в первом бою? Маму звал?» Парень, глотая слезы, кивнул.

– Больше не будешь бросать оружие?

– Не буду. Лучше в бой, чем так... – кивнул солдатик на мрачного злого офицера.

– Пойдешь со мной! – решительно приказал капитан Ляшков и увел его с собой.

Конечно, прадед рисковал. Обиженный офицер мог устроить ему большие неприятности, но обошлось. И вот теперь этот солдатик приехал в гости к Ляшковым. Теперь уже офицер, Николай стал отличным храбрым солдатом. При прадеде служил его ординарцем. Позже отличился в боевых операциях. И теперь ехал после ранения на побывку домой, улучив немного времени, решил заехать к старому боевому товарищу. От всего батальона передал в подарок прадеду золотые часы, которые долго находились в семье как реликвия, но, к сожалению, их потом украли.

Николай пробыл у Ляшковых вечер и ночь. В этот вечер семье поведали еще одну историю фронтовой жизни товарищей. Вроде бы забавную, но совсем не при забавных обстоятельствах.

Стояла лютая зима. Батальон держал оборону. Когда не было атаки, солдаты засыпали в ледяных окопах и часто замерзали во сне. Поэтому прадед всю ночь ходил по траншеям, будил солдат, давая им хлебнуть из фляжки, и заставлял

разминаться. Что тут скажешь?! Человечище!

Однажды только прадед обошел батальон и лег в землянке немного вздремнуть, как в землянку ввалился огромный рыжий немец с поднятыми руками, а следом за ним с немецким автоматом маленький щупленький солдатик с испуганным, заспанным лицом. Тут уж не до сна. Вот так чудо: такой малец взял в плен огромного фашиста! Прадед, конечно, похвалил солдата, пообещал ему орден. А немец по-немецки лопочет, но его никто не понимает. «Рус! Рус!» – тыкал немец пальцем в солдата, да еще глаза закрывал. Увели его в штаб, прадед написал представление солдатика к ордену. Награду получили быстро и с шутивным известием. Оказалось, немец рассказал переводчику, что сам пришел сдаваться в плен. Он был из рабочих, фашистов не поддерживал. Перелез немец первую траншею, видит – солдат спит, свернувшись калачиком. Еле, рассказывал, добудился, а солдат, проснувшись, чуть не обмер со страху: немец в него автоматом тычет и мычит. Вскочил солдат, и руки вверх поднял, а тот ему оружие сует и показывает, что веди, мол, меня в плен. Ну тут уж солдат духом воспрял и немца в землянку к прадеду привел. Долго прадед смеялся над этой историей, но орден солдатик свой тогда получил. «Раз привел пленного, – сказал капитан Ляшков, – то носи орден со славой!»

Постскриптум

Мой прадед Константин Васильевич Ляшков дослужился до звания майора. Больших карьерных амбиций у него не было, он просто отдавал всего себя делу, в которое верил. А верил он в высокие нравственные идеалы человека: долг, честь, совесть, равенство, братство, свобода. Наверное, поэтому он был убежденным коммунистом, был верен своей стране и товарищу Сталину.

После излечения своего ранения в ногу, которая долго его еще беспокоила, прадед стал служить помощником начальника отдела боевой подготовки Сибирского военного округа. После войны перешел на должность военкома.

Вместе с супругой Клавдией Яковлевной прожил до самой своей смерти. В семье родилось девять детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Моя бабушка Людмила была первым и самым страшим ребенком. Только благодаря её воспоминаниям, записанным в зеленой советской тетради обычной шариковой ручкой, я смогла узнать своего прадеда и его семью. Бабушка Людмила уже почилла, поэтому прибавить к написанному в ее тетради какие-то новые истории или детали я уже не могла.

За два года до кончины Константина Васильевича выяснилось, что он был болен туберкулезом, при этом долгое время переносил болезнь на ногах. Умер прадед в 1979 году,

седьмого ноября, ровно за неделю до моего рождения. Супруга Каля жила без него еще семь лет.